

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

КАФЕДРА НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА ФРАНЦИИ**

Выпускная квалификационная работа

студентки очной формы обучения

направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование,

профиль Иностранный язык (первый,второй)

5 курса группы 02051311

Минайкиной Анастасии Андреевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Кривчикова Н.Л.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО–ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА	
1.1. Сущность коммуникативно–прагматического подхода	6
1.2. Текст как единица коммуникации в свете коммуникативно–прагматической парадигмы	11
1.3. Основные компоненты коммуникативно–прагматического аспекта текста	13
1.4. Общеязыковые и стилистические признаки законодательных документов	16
1.5. Выводы	22
Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ И КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ФРАНЦИИ	
2.1. Основные черты французского законодательного текста	25
2.2. Юридическая терминология и её роль в создании законодательных документах	28
2.3. Словообразовательная структура французской юридической терминологии	31
2.4. Лексико–грамматические особенности Уголовного Кодекса Франции	38
2.4.1. Система глагольных времен и средства выражения модальности в Уголовном Кодексе Франции	43
2.5. Синтаксис и прагматика французских законодательных текстов	48
2.7. Выводы	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития языкознания большое внимание уделяется разным типам коммуникации, в частности, текстам официально-делового значения. Все больше возникает потребность работать с текстами юридическими, экономическими, финансовыми, административными и т.д. Поэтому возникает необходимость научного исследования языковых проблем в таких сферах человеческой деятельности, как юриспруденция, право, судопроизводство.

Актуальность исследования связана с существующей в научном мире потребностью более глубокого изучения функционирования языка в обществе с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Предмет исследования составляет языковая реализация прагматических отношений между адресантом, текстом закона и его адресатом, которую можно проследить только через изучение лексических и грамматических средств и стилистических приемов, с помощью которых законодатель создает текст закона.

Объект исследования являются тексты Уголовного Кодекса Франции.

Целью данного исследования является установление структурных, семантических и прагматических характеристик текстов Уголовного Кодекса и определение основных средств создания их целостности и связанности на коммуникативно-прагматическом уровне. В соответствии с намеченной целью при проведении исследования предполагается решить следующие **задачи**:

- рассмотреть теоретические вопросы по прагматике текста, позволяющие раскрыть сущность законодательных текстов;
- проанализировать основные характеристики французских законодательных текстов;

– установить прагматическую составляющую, которая влияет на языковую организацию французского законодательного текста;

– раскрыть коммуникативно–прагматический потенциал языковых средств и стилистических приемов, которые использует французский законовед для передачи законодательной информации.

В ходе работы применяются различные **методы**, основным из которых был индуктивно–эмпирический, который заключается в наблюдении, фиксации и интерпретации фактов, служащих базой для общих выводов. Метод гипотетико–дедуктивный применяется при изложении результатов исследования, когда в некоторых случаях общие наблюдения приводились перед частными примерами. Метод сплошной выборки применялся при поиске примеров реализации рассматриваемых явлений.

Материалом для исследования послужили тексты законов Уголовного Кодекса Франции.

Структура работы определяется задачами исследования, практической целесообразностью изложенного материала и логикой раскрытия данной темы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяется объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе – осуществляется обзор существующих в лингвистике концепций относительно изучения и анализа специального текста с учетом коммуникативно–прагматического аспекта. Приводятся основные характеристики юридических текстов.

Во второй главе – выявляются лингвостилистические закономерности употребления языкового материала, направленные на достижение общих и частных прагматических целей законодательной коммуникации.

В заключении обобщаются результаты исследования.

Практическая значимость дипломной работы заключается в возможности использовать ее положения и практический материал в теоретических курсах и спецкурсах по лингвистике, стилистике французского языка, а также в теоретических курсах по теории перевода и грамматике.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования докладывались на студенческой научной конференции в апреле 2018 г. в БелГУ.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО–ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

1.1. Сущность коммуникативно–прагматического подхода

Одной из центральных проблем современной лингвистики является изучение коммуникативной функции языка. В значении языковых единиц, которые ранее считались компетенцией семантики, синтаксиса, стилистики, исследователями выделяется прагматический компонент. В связи с учетом прагматического аспекта в исследовании языка лингвисты обращают внимание на личность адресата (создателя) и адресанта (реципиента), то есть на субъекты общения. Язык понимается как вербальная деятельность человека, обусловленная целями невербальной деятельности.

Термин «прагматика» (от греч. *pragma* – дело, действие) был введен в научный обиход в конце 30–х годов XX века Ч.В. Моррисом. Прагматика описывает факты языка (как и вообще элементы знаковых систем) в аспекте человеческой деятельности. Она, следовательно, изучает язык в плане его употребления. Прагматика также понимается как наука, которая «изучает языковые факты в свете языковой деятельности, закономерности языкового общения, целевое назначение высказываний, коммуникативную интенцию говорящего, функциональные типы речевых актов, отображение в акте речи позиций говорящих» [Гак 2000: 753] и изучение интенционального потенциала высказывания в свете соответствующей реакции на него адресата.

Истоки прагматики как аспекта семиотики связаны с именами таких известных философов, как Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи. В их трудах конца XIX – начала XX века впервые были сформулированы общие идеи функционирования знаков и знаковых систем, определены основные понятия семиотики как науки о знаках, определены отличия между синтаксисом, семантикой и прагматикой как составными частями учения о знаках. При этом под синтаксисом понималось изучение отношения между знаками, под семантикой – изучение отношений знаков к их объектам, а прагматика имела целью изучение отношений знаков к интерпретаторам. Таким образом, в языке как знаковой системе были выделены три аспекта изучения: семантический, синтаксический и прагматический. Однако лингвистика долгое время ограничивалась изучением первых двух, игнорируя прагматический аспект языка.

Прагматический аспект языка проявляется и доступен для изучения лишь в применении в речи, в тексте. Поэтому прагматика начала активно развиваться лишь тогда, когда интересы лингвистов сместились в сторону функционирования языковых явлений в процессе общения.

Необходимо отметить, что выделение и формирование прагматики в качестве области лингвистических исследований началось в 60–х – начале 70–х годов XIX века под влиянием логико–философских теорий речевых актов Дж. Остина, Дж. Г. Сьюрля, З. Вендлера и др., прагматических теорий значения П. Грайса и прагматических теорий референции Л. Линского, Дж. Г. Сьюрля, П.Ф. Стросона и др. Лингвистическая прагматика рассматривает комплекс проблем, связанных с субъектом–говорящим, адресатом, их взаимодействие во время коммуникации, ситуацию общения.

Прагматику исследовало большое количество как советских ученых: Н.Д.Арутюнова, И. Р. Гальперин, В. Р. Дак, Р. В. Колшанский, О. И. Москальская, так и зарубежных: Е. Агрикола, Т. А. Ван Дейк, Ф. Палмер, М. В. Эскандель Видаль, М. А. Ф. Холидей и др.

До сих пор обсуждаются вопросы относительно определения прагматики как науки. Следует считать ее субдисциплиной в пределах лингвистики, или же она является общественной наукой, отличающейся от лингвистики, как считают некоторые европейские исследователи.

Формирование собственно лингвистической прагматики, как и общей прагматики, опиралось в значительной степени на философские идеи и прежде всего на концепцию Л. Витгенштейна. Именно его труды во многом способствовали трансформации прагматики, как части общей семиотической теории в самостоятельную область исследований, положили начало мощному потоку современных работ по прагматике.

Авторы далеко неоднозначно трактуют уровень изучения прагматики. По словам например, В.Н. Комиссарова прагматика может означать прагматику языка как систему и как функционирование этой системы в процессе коммуникации. Поэтому прагматичные отношения, по мнению других ученых, могут исследоваться и описываться на разных уровнях языковой системы: при описании значения слова, его конотативных аспектов, предложения и текста как «речево–текстовой категории» [131; 167]. Н.Д. Арутюнова считает, что одна из задач прагматики, возможно, ее главная задача, заключается в том, чтобы сформулировать правила употребления слов и высказываний и, соответственно, их адекватного толкования.

Отбор, употребление и толкование знака осуществляется пользователем – человеком, и человеческий фактор признается одним из основных понятий прагмалингвистики.

Некоторые ученые относят к прагматике понятие результата, эффективности коммуникации. Н.Д. Арутюнова, например, считает, что к прагматике относится оценка эффективности дискурса, при котором осуществляется стратегия общения в конкретных обстоятельствах, она относит прагматику к области «исследования» в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи, включая

комплекс вопросов, связанных с субъектом, который говорит, адресатом, и с их взаимодействием в процессе коммуникации, с ситуацией общения [Арутюнова 1998: 389–390]. Г.В.Колшанский, например, выделяет прагматический и коммуникативные аспекты языка, которые ориентируются на конечный результат эффектов речевой коммуникации [Колшанский 1980:4], и считает, что прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки [Колшанский 1984:127]. В речи потенциальные возможности языковых единиц реализуются через прагматическое намерение говорящего. Возможная многозначность языковых единиц превращается в их прагматическую однозначность в речи и отображает принцип экономии в языковой системе [Минкин 1998:24].

По мнению Стивена Левинсона, известного автора работ по прагматике, для того чтобы эффективно употреблять язык, создавать и получать адекватные ситуации, необходимо, чтобы участники коммуникации имели особую способность продуцировать и интерпретировать сообщения, способность, которая заключается в умении определять конкретные цели этих сообщений и делать правильные выводы относительно переданной и полученной информации. Итак, если мы не владеем такой информацией, то отличные знания грамматических правил являются недостаточными ни для эффективного употребления языка, ни для ведения простого диалога. Именно наша прагматическая способность позволяет нам строить тексты, которые являются частью многочисленных других текстов, и позволяет нам интерпретировать чужие сообщения [Levinson 1983: 6]. Заслуживает внимание утверждение Д. Спелера и Д.Вилсона, авторов теории релевантности, утверждающих, что прагматика – это изучение интерпретации высказываний [Sperber, Wilson 1986: 10]. Задачами прагматики, пишет Д. Блекмор, один из трех авторов данной теории, является показать, как слушатель способен переделать blueprint (эскиз значения, предложенного предложением) в полноценное предложение, базируясь на контекстуальных

значениях [Blakemore 1992:43]. К эмперическим задачам теории прагматики относится разработка когнитивной модели порождения речевых актов, их понимания, а также модели коммуникативного воздействия и использование языка в конкретных социокультурных ситуациях [Dijk T.A. van 1981: 260].

При таком многообразии исследований по проблеме прагматики считается, что ключевая идея прагматики заключается в том, что язык можно понимать и объяснять только в широком контексте его использования, т.е. через его функционирование. Понятие функциональности считается фундаментальным в прагматическом подходе к языку, как в зарубежном, так и российском языкознании. Необходимо обозначить, что все выше приведенные взгляды на прагматику как в российских, так и иностранных исследовательских работах имеют схожую черту: все они подчеркивают значимость контекста. Прагматика считается первой пробой в границах лингвистики, попытавшаяся обозначить теорию значения слов, связанную с говорящим и контекстом. Задачей прагматики является намерение выяснить, в чем заключается интерпретация высказывания, какой является функция контекста, какая существует связь между буквальным и высказанным значением (буквальное значение – это значение слова, которое можно найти в словаре; высказанное – значение, которое хочет передать говорящий), почему мы говорим образно, как влияет коммуникативная функция на грамматику языка [Reyes 1995: 8].

Таким образом, чтобы проанализировать законодательный текст, выявить не только языковые способы, которые использует законодатель для его создания, но и узнать и объяснить, почему эти средства им употребляются в той или иной ситуации, чем обоснован его выбор. Для решения этих задач в нашем исследовании используется коммуникативно–прагматический подход, учитываются такие понятия, как адресант (отправитель), адресат (реципиент), прагматическая ситуация (ситуативный контекст), пресуппозиция, коммуникативное намерение и прагматическая

цель, которые являют собой внеязыковые факторы, собственно, что и считается объектом изучения прагматики.

1.2. Текст как единица коммуникации в свете коммуникативно–прагматической парадигмы

Обычно наивысшей синтаксической единицей, которую исследовала грамматика, было предложение, и идея о том, что синтаксические исследования не должны ограничиваться только уровнем предложения, а обязаны охватывать уровень текста впервые была озвучена, а затем многократно повторялась членами Пражской лингвистической школы.

В течение последних лет ученые направили свое внимание на изучение и объяснение отношений, которые складываются между предложениями при создании больших единиц. Анализом этого процесса занимается лингвистика текста (прагматика), интересы которой концентрируются на дискурсе или тексте, и на ситуативном контексте, в котором реализуется конкретный коммуникативный акт.

Общение не может ограничиваться простой совокупностью изолированных высказываний, оно предполагает наличие единицы коммуникации, которая выступала бы как носитель полноценной информации и имела бы завершенную структурную организацию. Такой единицей, по мнению многих лингвистов, является текст, который представляет собой относительно завершенный отрезок общения, единицу структурированную и организованную по определенным правилам, которая содержит когнитивный, информационный, психологический и социальный смысл общения [Комиссаров 1982].

Широко известно, что предложение не выступает единицей коммуникации. В качестве ведущей конституирующей единицы связного текста было признано сверхфразовое единство.

В процессе речи, чтения, на письме люди сталкиваются с всевозможными типами текстов. Большинство исследователей считают, что общение совершается практически текстами, или монологическими, или диалогическими видами речи. Целью адресата информации выступает не то, как образовать предложение, а как высказать необходимую ему мысль для достижения необходимой цели. При этом тот факт, будет ли эта мысль выражена одним или несколькими предложениями, выступает в данном случае второстепенным. Главным для текста является не соотношение характера его формирования по определенным правилам или грамматикам, а возможностью выбора – грамматического, семантического, прагматического материала [Воробьева 1993: 27]. По мнению Н.И.Жинкина, человек не говорит отдельно выбранными предложениями, а одним задуманным текстом [Жинкин 1982:108]. Текст как наибольшая коммуникативная единица является результатом процесса речевой деятельности, а предложение выступает как способ сегментирования той информации, которую необходимо передать.

Но устная (фонетическая) и письменная (знаковая) формы представляют собой всевозможные способы языковых выражений, в обоих возможно увидеть функционирование языка и как общественный феномен и как интерактивный процесс. Соответствие между устным и письменным текстом можно показать следующим образом:

Говорящий ↔ Слушатель	Писатель ↔ Читатель
Единица устной коммуникации	Единица письменной коммуникации
Разговор диалог экспозиция	Письменное сочинение
Дискурс	Текст

В определениях многих ученых, как правило, учитываются внеязыковые факторы образования и функционирования текста. Текст может быть определен как фрагмент языка только по коммуникативным параметрам [Кубрякова 1998:56].

Одной из основных характеристик текста это реализация в нем определенной целевой установки (коммуникативного задания). Текст как целостная коммуникативная единица – это некоторая система коммуникативных элементов, функционально, то есть ради определенной цели (целей) объединенных общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) [Звегенцев 1976:46]. Таким образом, коммуникативный анализ номинативного характера языковых единиц переходит в сферу изучения динамики их функционирования, т. е. соотношения языковых форм и их смыслового эффекта в речевом акте.

Текст не может не быть прагматично определенным потому, что его создает человек, не только организуя языковой материал для передачи соответствующего содержания, но и выражает своей отношением к высказанному. Таким образом, от целенаправленности текста, от намерений того, кто его создал, зависят модальность, отбор слов, использования грамматических форм и тому подобное.

По нашему мнению, текст в таком понимании это качественное своеобразное явление, единица коммуникации, которая характеризуется многомерными связями не только линейными, но и вертикальными.

1.3.Основные компоненты коммуникативно– прагматического аспекта текста

Целью общения, как известно, является обмен информацией и взглядами. Общаясь, коммуниканты стремятся также переубедить друг друга в уместности своих взглядов и идей. Бесспорно, что все эти манифестации могут реализовываться через всевозможные формы коммуникации (разные коды): внеязыковые (визуальные, акустические, вкусовые, слуховые и мимические); языковые (устные или письменные); смешанные (чаще всего это употребление устной речи одновременно с жестами, а в письменной коммуникации употребляются слова вместе с иллюстрациями). Поэтому, коммуникация осуществляется через текст, а не через предложение или другие единицы более низкого уровня гармонично объединенные словами, предложениями, фразами и параграфами [Чебанов, Мартыненко 1999: 4.] В любом тексте содержатся интенции каждого из коммуникантов и отображается коммуникативная ситуация.

Согласно И.П.Сусова, коммуникативная интенция выступает в качестве основного текстообразующего фактора, который определяется как отбор той или иной предметной ситуации на роль референта и способ её описания, так и характер информации об отношениях между текстом и другими компонентами коммуникативного акта, выступая организующим звеном в многослойной содержательной структуре речевого произведения [Сусов 1979:8].

Понятие ситуации возникло для обозначения сложного денотата, который передается в высказывании. Ситуация рассматривается как совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего и в объективной действительности в момент высказывания, которые и определяют отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [Гак 1972: 358].

Таким образом, общаясь через разные тексты, участники коммуникации действуют в таких условиях, которые «предлагают» им эти виды текстов. Условия выражаются прагматической и коммуникативной

ситуациями, в которых осуществляется функционирование текстов определенного класса. Ситуацией определенной мерой выделяются типы коммуникантов, их основные характеристики.

Следует отметить, что не каждый текст может существовать без определенного окружения, которое накладывает отпечаток на его функционирование и на его определенные характеристики. Мы считаем прагматическую ситуацию, как условие существования текста в характерном для него контексте.

Речь может быть определенного содержания и может быть понята только в структуре неязыкового контекста. Поэтому для создания адекватного понимания речевого сообщения коммуникант разными способами обозначает социальные условия, в рамках которых предполагается развернуть общение.

Под прагматической ситуацией текста мы видим, прежде всего, фактор функционального стиля, представляющего собой систему взаимосвязанных языковых средств, служащих определенной цели в коммуникации.

Функциональный стиль всегда отображен в тексте. Адресант, строя свое сообщение, использует характерные для данного функционального стиля способы, учитывая условия, цели этого стиля. В разных стилях одна и та же информация передается по-разному. Свое объективное фактическое значение законы передают совсем иначе, чем, например, пресса.

Чтобы коммуникация получилась, необходимо владеть определенным кодом, т.е. достаточно расширенным и ограниченным сочетанием знаков, которые комбинируются по конкретным правилам, и которые известны тому, кто отправляет сообщение (отправитель или адресант), и тому, кто его получает (реципиент или адресат): адресант, первый субъект коммуникации, посылает адресату, второму субъекту коммуникации, сообщения. Адресат, если хочет понять это сообщение, должен его раскодировать, т.е. понять, куда отправляет его высказывание (референция). И, наконец, канал передачи

информации (устный или письменный) – психологическая связь между адресантом и адресатом, которая обусловлена возможностью установить и поддержать коммуникацию.

Все эти элементы являются обязательными параметрами при изучении языковой деятельности, они образуют прагматический аспект текста.

В.Л.Наер выделяет пять составляющих: собственно прагматику текста, адресанта и адресата, прагматическую установку текста, прагматическое содержание и программированный прагматический эффект. [Наер 1985].

Представление о тексте как об инструменте коммуникации связано с исследованием не только его внутренней, но и внешней организации, с изучением внеязыковых факторов, прагматических свойств. Когда автор (адресант) начинает формировать определенный текст, перед ним встают две задачи: какую информацию необходимо донести до адресата, какими способами он может её передать, чтобы адресат, для которого автор создает текст, смог интерпретировать всю вложенную информацию адекватно задумке адресанта, чтобы эта информация достигла соответствующей прагматической цели влияния на адресата.

То есть в процессе коммуникации понимание текста связано не просто с пониманием значений отдельных слов, словосочетаний, предложений, а с их интерпретацией в рамках целого текста и его смысловой структуры. Оно базируется на объективных законах языковой организации, прежде всего, семантических связях, которые определяются контекстом, включающим в себя как языковые, так и внеязыковые факторы.

Условием правильной интерпретации (раскодирования) текста является достаточность языковых и внеязыковых условий, вовлеченных в конкретную ситуацию общения.

Основой является общность всех языковых и внеязыковых критериев. Все это создает условия для адекватного порождения и восприятия смысла. Неточная оценка информации текста неминуемо приведет к

коммуникативному недопониманию. Между тем, между ними намечено осуществление коммуникативного контакта.

Таким образом, коммуникативно–прагматический аспект специального текста, в частности законодательного, можно определить как единство языковых и внеязыковых факторов и их зависимость друг от друга, как взаимодействие и взаимосвязь его коммуникативной организации и прагматических свойств [Кривчикова, 2007: 17].

1.4. Общеязыковые и стилистические признаки законодательных документов

Большинство лингвистов подчёркивают важность знания основных черт функционального стиля, к которому принадлежит определённый текст для адекватной его интерпретации. Понятие текст традиционно связано с понятием стиль [Мороховский, 1984:202].

Законодательные тексты принадлежат к официально деловому стилю языка (далее ОДС), который, как и другие стили характеризуется свойственной только ему совокупностью признаков, придающие ему своеобразие и качественную определённость. Официально–деловой стиль распространяется на различные формы административно–правовой деятельности, он может быть разбит на несколько подстилей, которые используются в зависимости от целей и задач, стоящих перед официальным документом. О наличии специального законодательного стиля говорят и юристы, и языковеды; по мнению некоторых из них законодательный стиль является основой и определяющим началом официально–документального подстиля [Пиголкин 1990: 13–14].

Официально деловой стиль обслуживает сугубо официальную и чрезвычайно важную сферу юридических, экономических и дипломатических отношений. Существуют различные классификации текстов ОДС. Так, например, Н.В.Кривоносова выделяет три основных жанра научной юридической литературы, а именно:

1) законы (конституции, основы, кодексы)
2) подзаконные акты (указы, положения, постановления, инструкции и т.д.), которые конкретизируют, уточняют законы.

3) научная специальная юридическая литература (монографии, учебники, юридическая периодика и т.д.), в которой трактуются и анализируются разные концепции и институты права, теории, доктрины, точки зрения научных школ [Кривоносова 1985:58]. В соответствии с этой классификацией выделяются три основных субъязыка юриспруденции: законы, подзаконные акты и специальная юридическая литература.

Общей функцией ОДС является официальное сообщение с целью достижения деловой, официальной договоренности между двумя или несколькими сторонами. Форма общения – главным образом письменная, а устными условиями общения является наличие официальных отношений между коммуникантами.

Каковы же стилистические особенности, которые влияют на создание законодательного текста?

Отечественные и зарубежные исследователи в своих трудах определяют основные стилевые черты ОДС таким образом: В.М.Богуславский выделяет точность, лаконизм, логичность, четкость, нормативность, отсутствие экспрессивности и эмоциональности [Богуславский 1968: 30]. И.С.Вольская – официальность, чрезвычайную долготу и широту, складность, статичность, объективность, отсутствие образности и эмоциональности [Вольская 1966:127]. И.Грязин, обобщая

сказанное, говорит, что текст правовых документов отличается от других текстов следующими стилистическими характеристиками:

1) отсутствием экспрессивности, так называемым «нулевым стилем», нейтральностью и холодностью изложения правовых норм, что немаловажно с позиций эффективности правового регулирования;

2) связанностью и последовательностью, сбалансированностью и построением жесткой «цепочности» изложения;

3) точностью и ясностью, где практический критерий берет верх над общелитературными стандартами;

4) простотой изложения;

5) лаконичностью и компактностью, с применением законодателем принципа минимальности [Грязин 1983: 54].

Одни из самых важных характеристик – точность, краткость, а также единообразие изложения, находятся в тесной связи с основными функциями языка [Боголюбов 1973: 20].

Локальность, четкость и структурированность закона, по мнению Н.А. Власенко, в немалой мере достигается за счет графической стандартизованности; закон трудно представить себе без последней [Власенко 1997–а: 13]. Поэтому, все перечисленные свойства образуют прагматическую направленность законодательного документа и ориентацию его на адресата – закон становится законом, обладая данными свойствами, он призван не включать в себя никаких свойств эмотивности или экспрессивности, которые могли бы повредить перечисленным выше характеристикам [Телешев 2004: 28].

Текст права характеризуется «областью должного», которую он олицетворяет, создавая «некий особый концептуальный мир» [Грязин 1983: 107].

Законодательный текст, по мнению А. А.Телешева, является моделированным, его построение осуществляется в соответствии с

выбранными законодателем ограничениями и приемами, что формирует его специфику. Он имеет в своей структуре отпечатки законодательной функции государства: нормативность и дистантность [Телешев 2004: 28].

Текст закона всегда нормативен, потому что закон неразрывен с понятием «нормы права». Это связано, во-первых, с суверенностью законодательной власти, которая проявляется в том, что законодательный текст строится и создается так, чтобы его адресатами признавались монополии законодательной власти на издание закона и обязательность положений законодательства. Во-вторых, это связано со всеобщим характером законодательной нормы, ее распространенностью на всех субъектов права. В-третьих, это отражается в определенности законодательного дискурса, где каждая норма является ответом на какой-либо вопрос: она является правилом в том, что она же сама и определяет; её цель – сделать применимым решение, которое она предлагает для предполагаемой ею проблемы [Cornu 2000: 284].

Дистантность текста закона, как известно, заключается в том, что адресата и адресанта в соответствующем языковом сообщении отделяет значительное расстояние и это проявляется в том, что в данном типе законодательных документов «говорит» только законодатель, хотя его монолог не произносится вслух. Сообщение законодателя обретает письменную форму и в ней направляется адресатам, что не требует обязательного ознакомления последними с законодательными текстами. В этом проявляется дистантность в отношениях между участниками коммуникации.

Законодательный стиль экспликативен потому, что нормы права объясняются через положения законодательных текстов [Cornu 2000: 291]. Он зависит не от системы права, используемой государством, а от языка законодательства [Snow 1999: 91].

В законодательной речевой деятельности, как и в любой другой существуют два коммуниканта, адресант и адресат, но их общение является специфическим. Дело в том, что адресант законодательной информации обращается ни к одному лицу, а к неизвестному числу лиц, к абстрактному собеседнику, которым может и должен быть любой из граждан отдельной страны (в нашем случае Франции). Между адресантом и адресатом существует связь в виде письменного законодательного документа. Законодатель (отправитель сообщения) создает этот документ, в котором кроме прав и обязанностей граждан, перечисляет конкретные правила, которые относятся к отдельным правовым областям (гражданским, уголовным, коммерческим и т.д.), и которых должны придерживаться адресаты законодательных документов. И вместе с правилами адресант посылает адресату информацию о последствиях невыполнения обозначенных правил. Все эти правила существуют в виде законодательного текста, который является объектом нашего исследования.

Как мы уже отмечали, законодательные тексты в основном существуют в письменной форме. По своим характеристикам и функциям письменный текст имеет значительный социальный потенциал, его материальная манифестация предусматривает наличие социального адресата, в то время, как отдельное устное высказывание незадокументированное письменно, «существует» до тех пор, пока оно воспринимается конкретным реципиентом. Его бытие ограничено во временном плане. Письменный текст, напротив, создан для того, чтобы функционировать в среде социального адресата, влиять на него, входить в его культурный и исторический «потенциал» он отражает и документирует социально–закрепленные формы общения. Кроме того, письменное сообщение сравнительно с устным, имеет более высокий статус, характеризуется авторитетностью, престижностью и благодаря этому влияет на социальные процессы.

При определении адресата законодательного послания речь идет не только о социально–профессиональной группе, которая получает это послание, но и об определении официального адресата. Очень важным является то, адресуется ли сообщение одному адресату или многим.

1.5. Выводы

Теоретический обзор истории прагматики показал, что эта лингвистическая дисциплина, развивающаяся на базе целого комплекса научных направлений, точно отображает динамический подход к изучению языка, исследуя его в процессе общения, опираясь на достижение эффективности языковой коммуникации.

Коммуникативно–прагматический подход позволяет выявить те внеязыковые факторы, которые не могут быть раскрыты по определенно–установленным грамматическим правилам.

Единицей коммуникации, которая выступает как носитель полноценной информации и имеет завершенную структурную организацию, является текст.

Автор при создании закона должен учитывать специфику адресата. Кроме фактора адресата на отбор и употребления языковых средств для создания полноценного законодательного документа влияют еще и определенные внеязыковые факторы. Во–первых, это код, который должны знать оба субъекта общения, то есть предмет сообщения должен иметь общую для адресанта (отправителя информации) и адресата (реципиента) социально–культурную основу, во–вторых, – это ситуация, в которой происходит передача или получение информации, коммуникативное намерение и прагматическая цель, что является объектом изучения прагматики и компонентами прагматического аспекта текста.

Прагматический аспект текста может быть определен как реализация в тексте через языковые элементы личностей коммуникантов, их статуса, взаимоотношений, а также цели и ситуации общения, в которой функционирует текст. Эти элементы могут меняться в зависимости от коммуникативной ситуации.

Основная коммуникативно–прагматическая цель любого законодательного текста это предоставлять распоряжения, приписывать и регулировать. Конкретная прагматическая цель каждого закона является разной и зависит от предмета высказывания закона. То есть, пытаясь объяснить, чем обусловлен выбор того или иного языкового средства, необходимо также учесть специфику конкретного законодательного документа.

Текст функционирует в определенном контексте. Именно специфика контекста формирует условия для его существования.

В условиях письменной коммуникации роли коммуникантов (лиц, которые принимают участие в общении) четко закреплены: адресант (отправитель информации, автор) обращается к адресату (получателю информации, читателю, реципиенту). Эффективность общения может происходить только при условии, когда оба участника коммуникации владеют определенным кодом (пресуппозицией), без которого адресат не сможет раскодировать (понять) переданную информацию.

Прагматическая установка текста представляет собой сложное явление. Отдельные высказывания одного и того же текста могут иметь разные установки, интегрированные в общую прагматическую установку текста.

Прагматическая установка законодательного текста – это направленность на четкое, недвусмысленное и непротиворечивое донесение до адресата содержания высказывания в форме распоряжения, предписания. А поскольку единым каналом передачи этой прагматической установки является письменная форма, то адресант законодательного документа должен использовать только такие языковые средства, чтобы толкование адресатом определенного закона не было бы двусмысленным.

Официально–деловой стиль характеризуется своеобразием и качественной определенностью признаков. К ним можно отнести: узкую сферу применения, стандартизированность, отсутствие экспрессивности и

образности, лаконичность и компактность, связанность и последовательность.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ФРАНЦИИ

2. 1. Основные черты французского законодательного текста

В рамках государства закон относится ко всем членам общества, даже если он предназначен только для определенной категории граждан.

Следует отметить, что круг адресатов законодательного сообщения ограничивается определенными факторами. С лингвистической точки зрения этот круг определяется кодом, который употребляет адресант. Отправитель сообщения обращается к тем, кто знает язык, на котором он посылает свое послание. С юридической точки зрения этот круг определяется компетенцией автора послания. Автор обращается к тем, кто в юридическом плане соответствует этой компетенции. Таким образом, чтобы действительно стать адресатом французского законодательного документа, необходимо знать французский язык и иметь определенные знания юридической терминологии, которую употребляет законодатель.

Известно, что закон относится ко всем и к каждому, но тем не менее, мы видим, что в каждом из них адресант может называть непосредственного адресата отдельного законодательного документа. Юридическое правило адресуется в первую очередь судье. Таким образом, официальным адресатом

правового правила является судья в широком значении этого слова. Судья обязан следить за выполнением правовых правил, именно судья может налагать определенную санкцию на нарушителя, имеет основное право трактовать закон, давать оценку юридической ситуации, которой дает оценку и каждый человек.

Законодательный подстиль ОДС французского языка имеет свои особые черты, обусловленные функциональной направленностью законов и прагматической целью отдельного законодательного документа. Тексты законодательного подстиля выполняют еще свою «особую» волеизъявительную, директивную функцию.

Закон как нормативный акт государства выражает волю народа, диктует распоряжения всему обществу, устанавливает обязательное юридическое правило поведения, то есть влияет не только на разум, сознание, волю, но и на поведение человека [Ушаков 1967:81]. Таким образом, основной коммуникативной функцией любого законодательного текста является приписывать, диктовать распоряжения, а прагматической целью – регулировать все сферы человеческой жизнедеятельности. Конкретная прагматическая цель каждого закона разная и зависит от предмета высказывания закона.

Можно прийти к следующим выводам что, к числу особых черт законодательных текстов французского языка можно отнести, во–первых, способ подачи информации. Другой характерной чертой Уголовного Кодекса Франции является логическая последовательность изложения, поскольку законодательная мысль может быть точно и адекватно доведена до сознания читателей только при логической последовательности ее изложения.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что каким бы ни был закон, он, тем не менее, не может быть универсальным или вечным, несмотря на его относительное постоянство. Все законы рано или поздно обречены на отмену или замену [Кривчикова 2007: 25]. Не принимая во внимание безличностный характер закона, законодатель все–таки должен определить территорию дей-

ствия закона, момент вступления закона в действие, а иногда и время, когда он перестает действовать. Французские законы, например, действуют с момента опубликования их в Официальном бюллетене.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что на создание законодательного текста, активизацию определенного круга лексических и грамматических явлений, способных создавать качественный содержательный вид текстов законодательных документов, влияют как общие стилевые черты ОДС французского языка, так и стилевые особенности его законодательного подстиля. Своеобразие передачи законодательной информации достигается как стилистически маркированными единицами, так и особым подбором и концентрацией общелитературных лексических и грамматических элементов и их значений.

На успешное протекание коммуникативного акта в сфере законодательства влияют в первую очередь два фактора: лингвистический (знание языка, в частности французского) и юридический (владение определенными знаниями правовой отрасли). Поскольку французский законодатель создает законы для французов, носителей французского языка, то на адекватную интерпретацию законодательного документа, прежде всего, будет влиять именно юридический фактор. Иными словами, чтобы коммуникация в правовой сфере была успешной, оба субъекта коммуникации должны, с одной стороны, знать право, с другой, знать французский правовой язык.

На наш взгляд наиболее успешное взаимопонимание происходит при юридической, в частности, законодательной коммуникации, когда общаются лица, профессионально принадлежащие к закону: законодатели, адвокаты, нотариусы, судьи и т.д. Однако, «языковая общность» специалистов – это еще не основной фактор, который влияет на успех речевого акта. Также необходимо учитывать фактор специализации. То есть, юрист, который специализируется в вопросах гражданского права, необязательно сразу поймет юриста, который является специалистом в вопросах уголовного права, Это

является фактом того, что каждый профиль имеет свой специфический технический язык (терминологию).

Общность языка является также фактором экономии в общении. Специалисты понимают один другого с полуслова.

Отсюда вытекает следующий вопрос, каким же языком лучше писать законы? Общедоступным, потому что знание законов должен иметь каждый, поскольку закон является выражением воли каждого, или терминологическим языком, предназначенным в первую очередь для специалистов. Чтобы следовать законам и не нарушать их, законы должны понимать все.

Доступность законов, прежде всего, зависит от законодателей, то есть авторов законов. Если текст какого-либо закона предназначен, в основном, для специалистов в области права, то само собой такой текст является терминологически насыщенным и недоступным для неспециалиста.

Право – это система, которая состоит из многих элементов. А то или иное положение имеет значение только в пределах целого закона, в пределах всей правовой системы. Поэтому интерпретация законодательного положения должна осуществляться с учетом иных законов.

Текст закона должен быть понятным, не слишком объемным и сложным, содержать необходимое для полного и четкого изложения сущности закона, количество специальной терминологии. Ведь законы издаются для того, чтобы их понимали и придерживались. Поэтому это в интересах законодателей довести до масс законы в таком виде, чтобы их понимали и не нарушали.

2.2. Юридическая терминология и её роль в создании законодательных документов

При решении вопросов, касающихся лингвистического статуса термина и его специфики, выделяются несколько точек зрения.

Ряд ученых (Д.С.Лотте, О.С.Ахманова, А.С.Герд, А.В.Суперанская, Е.Н.Толикина и др.) определяют наличие в терминах особых свойств, благодаря которым термин противостоит другим лексическим единицам.

Другие исследователи (А.В.Лемов) доказывают, что подобные свойства термина существуют лишь как ведущая тенденция в языке науки, и они никогда не реализуются полностью [Лемов 2000].

Сторонники другого подхода (Г.О. Винокур, В.Г. Гак, Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин) понимают специфику термина не в сфере его свойств, а в сфере его функций .

Согласно О.Г. Винокура: «термин – это не особое слово, а лишь слово в особой функции» [Винокур 1959: 5–6]. В.А.Звегинцев писал: «...мир действительности есть исходная величина; мир понятий обуславливается процессом познания действительности и срамится быть адекватным ему ...; мир значений есть конкретный способ, которым фиксируется в языке мир понятий...» [Звегинцев 1976: 193].

Поэтому более соответствующим в данном случае является указание на соотношенность термина со специальным (научным) понятием, которое в отличие от обычного, воспринимается как общеупотребительное слово и, следовательно, нетерминологическое. В профессиональной речи оно приобретает значение и функцию термина [Березин, Головин 1979: 364].

Указывая на своеобразие коммуникативной функции терминологических единиц В.М. Лейчик отмечает, что она, по отношению к термину «может быть иначе названа информационной» [Лейчик 1986: 91].

Отличительные черты термина, его функциональная, содержательная и формальная структуры, являются производными от специфики его коммуникативной функции. Поскольку задачами научно–делового общения есть четкое, недвусмысленное и систематизированное изложение научной или офи-

циально–деловой информации, это определяет точность, однозначность, системность и другие свойства терминологических единиц.

Большинство исследователей–терминологов считают возможным выявление специфических черт терминологической лексики лишь в той естественной среде, где она применяется в своем прямом назначении, которой для терминологии является самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка – языка науки [Даниленко, Скворцов 1981: 208].

С точки зрения функционального подхода к изучению термина, оказывается интересным отнесение термина к языкам для специальных целей (В.М. Лейчик, А.В.Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Васильева). По мнению В.М. Лейчика. это позволяет не только определить отличительные свойства терминологической лексики, но и установить причины появления этих отличий, связанных с особенностями «специальных языков», а именно:

- 1) вторичный характер «специальных языков» (лексические единицы естественного языка выступают «субстратом» термина);
- 2) ограниченная специальной отраслью сфера функционирования;
- 3) присутствие сознательного момента в их формировании;
- 4) наличие элементов искусственности [Лейчик 1986: 92].

Итак, термин – это основная единица языка науки (слово или словосочетание), которая выражает и формирует специальное понятие и используется в процессе познания и наименования специальных объектов с целью научно–профессиональной коммуникации. Такое определение акцентирует внимание на сфере функционирования термина и на особенностях выполнения им многообразных функций (номинативной, сигнификативной, гносеологической, прагматической, коммуникативной).

Практически во всех определениях термина подчеркивается его понятийная специфика. Если сравнить следующие определения термина то можно в этом легко убедиться:

«слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [ЛЭС 1990, 508];

«номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка принимаемая для точного наименования специальных понятий» [Гринев 1993: 33];

«единица какого–либо конкретного естественного или искусственного языка, обладающая в результате особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия» [Герд 1986: 4].

Необходимо добавить, что в каждой сфере человеческой деятельности существует свой язык для выражения понятий, которые представляют собой материальные или нематериальные объекты или действия и принадлежат к специфическим дисциплинам. Терминолог, который создает и совершенствует терминологическую систему той или другой области знаний, учитывает, с одной стороны, систему логических построений, составляющие которой нуждаются в наименованиях, а с другой, – имеющийся словесный инвентарь языка и возможности его организации. Как замечает В.И.Круковский, исследовавший законодательные тексты, лексические элементы принимают участие в построении символического мира [Круковский 1995: 34]. Называя предметы, отношения, поведение или событие, законодатель, так или иначе, строит символический мир таким, каким он его видит. Перед ним возникает проблема, каким языком лучше писать текст закона, какую пропорцию установить между применением обычной (общеупотребительной) лексики и технической (терминологической). С точки зрения коммуникации рост доли общеупотребительных слов способствует лучшему пониманию текста, однако значимость и «информативность» законодательного текста приуменьшаются.

Очень важно найти равновесие, поскольку велика разница между вокабуляром законодателя и вокабуляром рядового гражданина.

2.3 Словообразовательная структура французской юридической терминологии

Исследования в области лингвистики являются наиглавнейшими в области словообразования. Результаты исследований последних лет свидетельствуют о том, что словообразование широко используется не только для создания новых слов, но и для выражения отношения говорящего (адресанта) к предмету, явлению, для определения экспрессивной оценки предметов и явлений окружающей действительности. Словообразование, отмечает Н.А. Катагощина, – двусторонний процесс, во время которого устанавливаются смысловые (семантические) и формальные связи между словами [Катагощина 2006: 21].

Результаты исследователей терминологических систем разных языков (Глушкова Е.Л., Громова И.А, Кривоносова Н.В., Любина Т.С., Максимов С.Е., Юдина Е.Н. и др.) свидетельствуют о том, что терминообразование осуществляется теми же формальными способами, которые обслуживают язык в целом, т.е. терминообразование повторяет словообразование общей лексики.

Самым продуктивным и распространенным способом словообразования в текстах французских законодательных документов является деривация, которая относится к аффиксальному способу словообразования.

Основной функцией аффиксов исследователи считают их способность выполнять большую смысловую нагрузку, которая в основном заключается в способности дифференцировать сложную семантику «образующих» и «про-

изводных» [Гатаулин 1986: 35]. В аффиксальном словообразовании традиционно различаются суффиксацию и префиксацию.

Анализ аффиксальных способов выявил высокую функциональную активность словообразовательной модели:

1) глагол + суф. – tion. Данный тип модели пользуется переходными глаголами. Существительные, образованные с помощью этой модели обозначают «действие», «процесс»: *abrogation* (отмена, прекращение действия договора по соглашению), *absolution* (освобождение от наказания), *adoption* (принятие (закона), усыновление), *affirmation* (официальное подтверждение лицом, составившим протокол, включенных в него данных), *capitation* (подушный налог), *confiscation* (конфискация), *comparution* (явка (в суд, к следователю))

Например:

“La provocation non publique à discrimination, à la haine, ou à la violence à l’égard d’une personne ou d’un groupe de personnes à raison de leur origine ou de leur appartenance ou de leur non-appartenance, vraie ou supposée, à une ethnie, une nation, une race ou une religion déterminée est punie de l’amende prévue pour les contraventions de la 5 classe” (CP, art. 625–7).

2) глагол + суф. –ement. В этом типе также используются переходные глаголы, как абстрактного, так и конкретного значения. Слова, образованные по этой модели, передают значение «действия», «его результат»: *abattement* (ограничение, уменьшение), *acquiescement* (согласие, уступка, признание (долга, исковых требований)), *bannissement* (изгнание за пределы национальной территории (уголовное наказание)), *cantonnement* (процедура ограничения ареста имущества должника суммой долга).

«Le délaissement, en un lieu quelconque d’une personne qui n’est pas en mesure de se protéger en raison de son âge ou de son état physique ou psychique s’est puni de cinq ans d’emprisonnement et de 75 000 euros d’amende » (CP, art. 223–3).

3) прилагательное + суф. – ité. В качестве словообразовательной модели используются относительные прилагательные абстрактного значения, значительная часть которых образована от глаголов при помощи суффикса –able /– ible. Слова, образованные по этой модели обозначают «качество, признак объекта или субъекта права»: *admissibilité* (допустимость), *complicité* (соучастие), *illicéité* (незаконность, неправомерность), *mutabilité* (возможность изменения договора), *nullité* (недействительность), *pénalité* (наказание, санкция).

“Au cours de la première session parlementaire de 1976, le Gouvernement présentera au Parlement un rapport sur les mesures qu’il aura mises en place pour assurer le développement de l’instruction civique et de la formation aux responsabilités du citoyen dans l’éducation, dans l’enseignement universitaire et dans la formation permanente, en particulier au niveau des entreprises” (CP, art. 28)

4) существительное + суф. – aire. В образовании данной модели употребляются конкретные и абстрактные существительные. К примеру, *adjudicataire* (приобретатель имущества или заказа на подрядные работы на публичных торгах), *allocataire* (лицо, имеющие право на пособие), *commanditaire* (коммандитист, вкладчик), *inventaire* (опись наследственного имущества), *locataire* (наниматель), *propriétaire* (собственник).

«Les titulaires de l’une des autorisations mentionnées à l’article R. 226–3 ne peuvent proposer, céder, louer ou vendre les appareils figurant sur la liste prévue à l’article R. 226–1 qu’aux titulaires de l’une des autorisations mentionnées à l’article R. 226–3 ou à l’article R. 226–7 » (CP, art. R. 226–10).

5) глагол + суф. – if. В данной модели употребляются переходные глаголы. Например, *électif* (выборный), *exécutif* (исполнительный), *prorogatif* (отсрочивающий, откладывающий), *justificatif* (оправдательный):

“Le fait de provoquer soit dans un but lucratif, soit par don, promesse, menace ou abus d’autorité, les parents ou l’un d’entre eux à abandonner un enfant né

ou naître est puni de six mois d'emprisonnement et de 15 000 euros d'amende"(CP, art. 227–12).

Прилагательные играют значительную роль в юридической терминологии, так как в них ярко выражена специфика их значения относительно к области права, так как очень часто они поясняют, уточняют значение существительных, тем самым обогащая юридическую терминологию.

6) глагол + суф. – eur. Здесь также в качестве модели модели также выступают переходные глаголы: *bailleur* (наймодатель, арендодатель), *changeur* (грузоотправитель, грузовладелец), *défendeur* (ответчик), *défenseur* (защитник в суде), *employeur* (наниматель, работодатель), *entrepreneur* (подрядчик, предприниматель), *fréteur* (фрактовщик), *législateur* (законодатель):

Etant assesseur juré ou membre d'une juridiction, se décide soit en faveur, soit au préjudice d'une partie (CP art. 126, sec.2).

7) глагол + суф. – age. В качестве словообразовательной модели могут выступать переходные глаголы К примеру, *abordage* (столкновение), *agréage* (приемка, одобрение), *affacturage* (факторинг), *arbitrage* (арбитраж, третейский суд), *ballottage* (баллотирование, промежуточный результат выборов), *chantage* (вымогательство под угрозой оглашения позорящих сведений, шантаж), *pillage* (хищение, грабеж).

“Le témoignage mensonger est puni de sept ans d'emprisonnement et de 100 000 euros d'amende:

1. Lorsqu'il est provoqué par la remise d'un don ou d'une récompense quelconque ...” (CP, art. 434–14).

Вторым по продуктивности способом словообразования среди единиц французской правовой терминологии является конверсия. Термин «конверсия» (от латинского “*conversia*”) означает «превращение, переход, обращение». Конверсия заключается в изменении лексико–грамматической категории слова, что приводит к изменению его словообразовательной парадигмы,

функции в предложении и сочетаемости [Левит 1979: 133]. А. Мартине подразумевает под конверсией *changement de classe, transfert, dérivation impropre* [Martinet 1979]. Слова, образованные при помощи конверсии, можно разделить на три группы:

1) существительные, образованные от глагола:

le pouvoir, le devoir (обязанность, долг), *l'avoir* (имущество, дебиторская задолженность), *le conseiller* (советник), *le dire* (возражение по поводу условий продажи, устное заявление), *le savoir-faire* (ноу-хау) etc.

2) существительные, образованные от причастия прошедшего времени:

l'accusé (обвиняемый), *l'avoué* (судебный поверенный), *l'arrêté* (судебное постановление, приказ), *le délibéré* (совещание судей, вынесение судебного постановления), *le prévenu* (подсудимый, подследственный) etc:

“Pour chaque condamné, l'organisme au profit duquel le travail d'intérêt général est effectué soit par lui-même, soit par l'intermédiaire d'un agent de probation “(CP, art. R. 131–30).

3) существительные, образованные от причастия настоящего времени:

l'adoptant (усыновитель, удочеритель), *le considérant* (преамбула, конституирующая часть) *le descendant* (родственник по нисходящей линии), *le représentant* (представитель, наследник по праву представления), etc.

В качестве словообразовательной модели здесь выступают переходные глаголы действительного залога. Словами, образованными по этой модели, представлены практически все реалии французского права.

Третьим способом словообразования среди французских правовых терминов является префиксация. Самые продуктивные словообразовательные модели:

1) префикс со- + сущ. Для данного типа характерно использование абстрактных и конкретных существительных: *coassurance* (одновременное стра-

хование в нескольких страховых компаниях), *codébiteur* (содолжник), *coexistence* (сосуществование), *cohabitation* (сожительство) etc.

2) префикс *in-* +прилаг. В качестве производящей основы данной модели выступают относительные прилагательные: *incorporel* (бестелесный), *inactif* (бездейственный), *inaliénable* (неотчуждаемый), *incessible* (не подлежащий передаче), *ineligible* (не подлежащий избранию) etc.

3) префикс *sous* –+ сущ. В качестве производящей основы данной модели выступают как абстрактные, так и конкретные существительные со значением действия, процесса. Эти существительные используются для обозначения подразделения учреждений: (*sous-entreprise* (субподряд), *sous-préfecture* (субпрефектура), *sous-quartier* (полоса охранения роты), лиц низшего звания (*sous-agent* (младший агент), *sous-préfet* (субпрефект), *sous-traitant* (субподрядчик), *sous-location* (поднаем, субаренда), *sous-ordre* (подчиненный), *sous-traitance* (договор субподряда) etc.

«*Toute personne soumise à l'obligation de tenir le registre d'objets mobiliers prévu au premier alinéa de l'article 321-7 doit effectuer une déclaration préalable à la préfecture ou la sous-préfecture dont dépend son établissement principal*» (CP, art. R. 321-1).

Особую группу в ОДС занимают терминологические словосочетания.

Их основа включает как термины, так и общеупотребительную лексику. Эти существительные выступают в роли стержневых слов, к которым присоединяются прилагательные, другие существительные или глаголы (вместе со служебными словами). Терминологические словосочетания подразделяются на:

1) адъективные терминологические словосочетания (*acte consensual*) (консенсуальная сделка), *bail commercial* (наем торгово-промышленных помещений), *comparution volontaire* (добровольная явка), *erreur judiciaire* (юридическая ошибка), *initiative législative* (законодательная инициатива), *liberté civile* (гражданская свобода) etc.

2) именные словосочетания *abus de confiance* (злоупотребление доверием), *cession de droits* (передача прав), *date de valeur* (начальный момент начисления процентов), *délit de fuite* (постановление места дорожно-транспортного происшествия совершившим его водителем) etc.

3) глагольные словосочетания (*appartenir à la compétence* (входить в компетенцию), *décliner la compétence* (заявлять о неподсудности), *déferer au tribunal* (передавать в суд), *remettre en nantissement* (передавать в качестве залога), *constater la nullité* (признать недействительным), *intenter un procès* (возбудить дело в суде) etc.

“La responsabilité pénale des personnes morales n’exclut pas celle des personnes physique auteurs ou complices des mêmes faits, sous réserve des dispositions du quatrième alinéa de l’article 121–3”(CP, art.121–2).

Прагматика консервативности и архаичности, свойственная текстам законодательной подсистемы, отображается в широком употреблении латинских заимствований и калек: *ab intestate, ab irato, a contrario, ad hoc, damnum emergens, de commodo et incommode, de facto, de jure, de lege lata, fructus, habeas corpus, in abstracto, nemo liberalis nisi liberatus, lex rei sitae, lex societatis, mutuus dissensus, mutuum, pacta sunt servanda, res derelictae, res inter alios acta, alliis nec prodesse, nec nocere potest, res perit debitori, res perit domino, stricto sensu, superficies solo cedit, ultra vires, etc.* Благодаря удобству использования для специалистов многие из этих слов и словосочетаний употребляются в международном масштабе.

Также во французские законодательные тексты широко используют наречия с суффиксом – *ment* , который присоединяется к форме женского рода прилагательных: *clandestinement, directement, légalement, fausement, frauduleusement, immédiatement, indûment, naturellement, originellement, sciemment, seulement, spécialement, volontairement, etc.*

Например:

“Sans prejudice de l’application des articles 113–6 à 113–8, la loi pénale française est également applicable à tout crime ou à tout délit puni d’un moins cinq ans d’emprisonnement ... “(CP, art. 113–8–1).

Из всего вышеизложенного можно сделать заключение, что текст Уголовного кодекса Франции содержат значительное количество терминов, имеющих несколько значений, или синонимических эквивалентов.

2.4 Лексико – грамматические особенности Уголовного Кодекса Франции

Все части речи во французском языке обладают определенной стилевой специализацией и меняют свои стилевые черты, функции и значения в зависимости от задач коммуникации. Т.М. Петрова, исследовавшая подобный вопрос в испанском языке, утверждала, что из пяти основных частей речи (существительное, прилагательное, глагол, местоимение и наречие) в деловом общении по частоте использования на первом месте находится существительное, за ним идет глагол, далее прилагательное и местоимение, а на последнем месте – наречие [Петрова 1977: 26]. Эта тенденция прослеживается и во французских законодательных текстах (Швыркова, 1973; Рахманин, 1982; Круковский, 1995; Телешев, 2004, Кривчикова, 2007 и др.).

На самом деле, исследуя текст французского Уголовного Кодекса, мы пришли к выводу о том, что типичной чертой на лексическом уровне есть использование огромного числа существительных, которые употребляются, заменяя глагола. Мы согласны с утверждением Т.М.Петровой, что максимальное употребление существительного, в сравнении с другими функциональными стилями, следует рассматривать не как стилистический

недостаток, а как объективную закономерность [Петрова 1977: 25] Это объясняется объективной целесообразностью, которая зависит от определенных причин.

Во-первых, значение существительного содержит в себе оттенки определенной конкретности, статичности и четкости, что отражается в законодательной прозе в процессе так называемой номинализации, заключающейся в замещении глагольных конструкций номинативными.

Например:

En cas de suppression d'emploi, le fonctionnaire est affecté dans un nouvel emploi dans les conditions prévues par les dispositions statutaires régissant la fonction publique à laquelle il appartient (CP, art.12).

Когда происходит замена глагола в предложении на существительное, тогда возникает увеличение частотности употребления предлога de. Все это приводит к так называемому «нанизыванию падежей» [Кривчикова 2007:]. Данное явление является своеобразной особенностью юридического текста и это отличает его от разговорного общения.

Например:

Dans les localités où le chemin de fer se trouvera en remblai de plus de trois mètres au-dessus du terrain naturel, il est interdit aux riverains de pratiquer, sans autorisation préalable, des excavations dans une zone de largeur égale à la hauteur verticale du remblai, mesurée à partir du pied du talus (CP, loi, art. 6).

Частое использование предлога de с существительными и другими частями речи в названиях разделов является одной из типичных черт Уголовного Кодекса Франции.

Так называемое «нанизывание падежей» может состоять из двух элементов и более: *Du régime des peines (CP, ch.II); Des modes de personnalisation des peines (CP, sect. II); De la falsification des marques de l'autorité (CP, ch. IV)* и т.д. Но встречается также однокомпонентное провозглашение предмета высказывания: *Des faux (CP, ch.I)* и т.д.

Таким образом, в заглавиях может быть изложен не только предмет высказывания, а также условия, причины, цели, которые уточняют, конкретизируют, помогают эффективному функционированию самого текста закона.

Вторая причина частотного использования существительных во французских законодательных текстах заключается в том, что любой документ, инструкция, правило, по большей части обращается не к одному лицу, а ко многим, поэтому используется большое количество существительных, которые в отличие от глагола являются безличными.

Например:

В–третьих, в законодательном документе каждый параграф является одинаково важным и значимым. Скопление существительных наблюдается при очень детальном перечислении, что также отвечает прагматической цели законодателя четко, обстоятельно и в понятной форме донести до сознания адресата сущность законодательных положений.

Например:

Les actes de l'état civil énonceront l'année, le jour, et l'heure où ils seront reçus, les prénoms et nom de l'officier de l'état civil, les prénoms, noms, professions et domiciles de tous ceux qui y seront dénommés.

Les dates et lieux de naissance:

Des père et mère dans les actes de naissance et de reconnaissance;

De l'enfant dans les actes de reconnaissance;

Des époux dans les actes de mariage;

Du décédé dans les actes de décès, seront indiqués lorsqu'ils seront connus.

Dans le cas contraire, l'âge desdites personnes sera désigné par leur nombre d'années, comme le sera, dans tous les cas, l'âge des déclarants. En ce qui concerne les témoins, leur qualité de majeur sera seule indiquée (CP, art.34).

Стремление к четкому и подробному высказыванию мысли в законодательных текстах объясняет также парное употребление

существительных и других значимых частей предложения, которые не всегда имеют синонимические связи.

Текст закона показывает не индивидуальный, а социальный опыт, поэтому лексика предельно обобщена в семантическом отношении, то есть устранено все конкретное, неповторимое, а на передний план выдвинуто типичное.

... La responsabilité pénale des personnes morales n'exclut pas celle des personnes physiques auteurs ou complices des mêmes faits, sous réserve des dispositions du quatrième alinéa de l'article 121-3 (CP, art. 121-2).

Les fruits et les revenus des biens indivis accroissent à l'indivision, à défaut de partage provisionnel ou de tout autre accord établissant la jouissance divise... (CP, art. 815-10).

Субстантивация – это один из основных признаков французского законодательного текста. Именно она реализует в тексте закона такую стилевую черту, как безличность. В рассмотренном нами Уголовном Кодексе эту обязанность берут на себя субстантивированные причастия, которые называют род деятельности человека, профессию, официальный статус:

L'interdiction d'utiliser des cartes de paiement comporte pour le condamné injonction d'avoir à restituer au banquier qui les avait délivrées les cartes en sa possession et en celle de ses mandataires ...(CP, art. 131-20).

Lorsque le prévenu, personne physique, est présent à l'audience, la juridiction peut ajourner le prononcé de la peine dans les conditions et selon les modalités définies à l'article 132-60 en plaçant l'intéressé sous le régime de la mise à l'épreuve pendant un délai qui ne peut être supérieur à un an.

Sa décision est exécutoire par provision (CP, art. 132-63).

Применение большого количества прилагательных в законодательном тексте имеет своей целью более четко и подробно донести законодательную информацию для адресата. Большая часть прилагательных в законодательных документах являются относительными, именно они

способны показать и выделить стабильность черт предметов: *les droits civiques*, *le régime électoral*, *le mandat impératif*, *le conseil constitutionnel*, *la responsabilité pénale*, *l'annonce officielle*, *le jugement déclaratif* и т.д. Как правило в текстах Уголовного Кодекса прилагательные находятся после существительных, выполняя определяющую и уточняющую функцию, и так же, как и существительные, они всегда используются парно, расширяя самым характерную роль номинативных форм во фразе.

Как правило, в юридическом тексте доминируют прилагательные, имеющие значение необходимости: *nécessaire*, *obligatoire*, *possible*, *précis* и их использование предопределено прагматически, ибо оно выделяет обязательность, важность следованию норм и правил.

Например:

La peine de confiscation est obligatoire pour les objets qualifiés, par la loi ou le règlement, dangereux ou nuisibles ... (CP, art. 131–21).

Многочисленное употребление адресатом инфинитивов в законодательных текстах является специфической чертой, и это придает фразе оттенок скрытого приказа:

La jurisdiction de condamnation ou le juge de l'application des peines peut imposer spécialement au condamné l'observation de l'une ou de plusieurs des obligations suivantes:

1° *Exercer une activité professionnelle ou suivre un enseignement ou une formation professionnelle;*

2° *Etablir sa résidence en un lieu déterminé;*

3° *Se soumettre à des mesures d'examen médical, de traitement ou de soins, même sous le régime de l'hospitalisation;*

4° *Justifier qu'il contribue aux charges familiales ou qu'il acquitte régulièrement les pensions alimentaires dont il est débiteur;*

5° Réparer en tout ou partie, en fonction de ses facultés contributives, les dommages causés par l'infraction, même en l'absence de décision sur l'action civile;

6° Justifier qu'il acquitte en fonction de ses facultés contributives les sommes dues au Trésor public à la suite de la condamnation;

7° S'abstenir de conduire certains véhicules déterminés par les catégories de permis par le Code de la route;

8° Ne pas livrer à l'activité professionnelle dans l'exercice ou à l'occasion de laquelle l'infraction a été commise;

9° S'abstenir de paraître en tout lieu spécialement désigné;

10° Ne pas engager de paris, notamment dans les organismes de paris mutuels;

11° Ne pas fréquenter les débits de boissons;

12° Ne pas fréquenter certains condamnés, notamment les auteurs ou complices de l'infraction;

13° S'abstenir d'entrer en relation avec certaines personnes, notamment la victime de l'infraction;

14° Ne pas détenir ou porter une arme ... (CP, art.132–45).

Такого рода частотность использования инфинитивов predeterminedena стремлением адресанта выразить приказ в скрытой некатегоричной форме, или таким образом, подчеркнуть особую значимость действий, выраженных инфинитивами.

Важно отметить, что на основании того, что законодательный документ существует в письменной форме, то лексические средства являются важным инструментом адресанта для выражения сути закона, и выделения обязательности соблюдения его положений, поэтому каждая часть речи, каждое слово, словосочетание, предложение имеет определенный прагматический потенциал, заложенный в них адресантом.

2.4.1. Система глагольных времен и средства выражения модальности

Изучая систему глагольных времен в Уголовном Кодексе Франции, мы выделили две системы, зависящие от употребления глагольных времен: повествование и дискурс. Повествование – это «рассказ о прошедших событиях» и «...представление фактов, совершившихся в определенный момент времени без какого–либо вмешательства рассказчика». Использование исторических времен соответствует данной системе. Дискурс представлен «любым высказыванием, предполагающим наличие говорящего и слушающего, где первый пытается каким–либо способом повлиять на второго», при этом используются все глагольные времена за исключением аориста [Бенвенист 1974: 447].

Т.В. Слостникова подчеркивает, что основной и единственной временной формой, реализующей описание в законе является настоящее время, в активном или пассивном залоге. Ввиду специфики законодательного текста входящие в него высказывания носят обобщающий характер, а в них настоящее время приобретает вневременное значение *présentgénérique*, где доминирует вневременная сема, а сема настоящего времени уходит на второстепенный план [Слостникова 1992: 10]. Тем не менее, при таком подходе можно утверждать, что значение формы глагола настоящего времени в тексте закона можно назвать «настоящим–предписанием», при этом прошедшее время выражает подчеркнутую констатацию, а будущее несет различные модальные оттенки [Власенко 1997–а: 24]. Ж.Сербатишет: «*Le présent n'a pas de signifié temporel. Il est générique. Il a valeur de passé, de présent et d'avenir*» [Serbat 1980: 36–39].

Например:

La loi pénale française est applicable à tout crime, ainsi qu'à tout délit puni d'emprisonnement, commis par un Français ou par un étranger hors du territoire de la République lorsque la victime est de nationalité française au moment de l'infraction [CP, art.113–7].

Другие же временные формы будут вспомогательными применительно к настоящему времени и используются, как правило, в придаточных предложениях.

... La peine privative de liberté encourue par l'auteur ou le complice d'un des crimes prévus à la présente section est réduite de moitié si, ayant averti l'autorité administrative ou judiciaire, il a permis de faire cesser l'infraction ou d'éviter que l'infraction n'entraîne mort d'homme ou infirmité et d'identifier, le cas échéant, les autres auteurs ou complices.[CP, art. 224–8–1].

En matière correctionnelle, la juridiction peut, pour motif grave d'un ordre médical, familial, professionnel ou social, décider que l'emprisonnement prononcé pour une durée d'un an au plus sera, pendant une période n'excédant pas trois ans, exécuté par fractions, aucune d'entre elles ne pouvant être inférieur à deux jours [CP, art.132–27].

Беря во внимание, что passécomposé используется в тексте закона по отношению к настоящему времени и зависит от него, оно теряет абсолютный характер и также берет на себя функции предпрошедшего времени, и проецируется на период охватываемый настоящим и связывается с ним.

Будущее, считает Т.В. Сластникова, используется только в устоявшихся частотных выражениях. Его значение, в принципе, соответствует настоящему, так как такие выражения имеют свои эквиваленты с настоящим временем; оно применяется для подчеркивания аспекта обязательства адресата совершить какие-либо действия; в обобщающих высказываниях оно несет определенные модальные коннотации и, по мнению некоторых исследователей, также служит целям усиления несомненности передаваемого сообщения [Сластникова 1992: 11].

Условное наклонение (*conditionnel*) используется во французских законодательных документах крайне редко, его функции выполняет настоящее время; это объясняется тем, что описываемые в законе события могут быть еще не совершены, а формы *conditionnel présent* и *passé* связаны со свершающимися или вероятными событиями.

Важнейшей характерной чертой французского законодательного дискурса является также использование в нем безличных глагольных конструкций, конструкций безличного пассива, что вытекает из требований стиля, языка документов [Корди 1994: 122–123]. Употребление данных конструкций также связывается с «... нежеланием говорящего упоминать лицо, совершившее действие», и желанием подчеркнуть результат действия, состояние дел [Лазуткина 1994:].

Est puni de six mois d'emprisonnement et de 7 500 euros d'amende le fait, par toute personne, publiquement, de porter un costume ou un uniforme, d'utiliser un véhicule, ou de faire usage d'un insigne ou d'un document présentant, avec les costumes, uniformes, véhicules, insignes ou documents distinctifs réservés aux fonctionnaires de la police nationale ou aux militaires, une ressemblance de nature à causer une méprise dans l'esprit du public (CP, art.433–15).

Для текстов французских законодательных документов такой специфической прагматически predeterminedенной целью является влияние через языковые средства (к которым, как известно, принадлежат и модально–временные формы) на сознание и поступки адресата таким образом, чтобы он придерживался изложенных в законе положений. Задачами законодательного подстилая, как мы уже отмечали, является официально, четко, понятно, безлично и логично регулировать все сферы человеческой жизнедеятельности, устанавливать права и обязанности как граждан, так и органов власти, приписывать нормы и следствия несоблюдения этих норм. Для достижения прагматической цели выражения «обязывания» и «дозволения» используются модальные глаголы (*devoir–faire*) и (*pouvoir–*

faire). Языковое выражение модальностей с être соответствует описанию, а модальности с faire передают опережающие описание. Самым распространенным способом выражения обвязывания и представления права во французских законодательных документах является использование следующих глагольных конструкций:

La juridiction peut assortir l'injonction d'une astreinte lorsque celle-ci est prévu par la loi ou le règlement ; dans ce cas, elle fixe, dans les limites prévues par la loi ou le règlement, le taux de l'astreinte et la durée maximale pendant laquelle celle-ci sera applicable (CP, art. 132–67).

А также, конструкций *devoir–être* и *pouvoir–être*:

Devoir/ être:

Dans les cas prévus par les articles 222–34 à 222–40, doit être prononcé la confiscation des installations, matériels et de tout bien ayant servi, directement ou indirectement, à la commission de l'infraction, ainsi que tout produit provenant de celle-ci, ... (CP, art. 222–49).

Pouvoir/ être:

Les personnes morales peuvent être déclarées responsables pénalement, dans les conditions prévues par l'article 121–2, de l'infraction définie à l'article 223–1 (CP, art. 223–2)

Следует подчеркнуть, что конструкции с *devoirfaire(être)* являются менее употребительными в текстах законов по сравнению с соответствующими *pouvoir– faire (être)*.

В первую группу входят глаголы и глагольные конструкции, указывающие на предоставление объекту какого–либо права или наложения на него обязанности:

devoir–faire (être chargé de; être tenu de ; être soumis à; être subordonné à)

pouvoir–faire (avoir le droit de / à; être habilité à; être autorisé à; avoir la faculté de; être doté de; bénéficiaire de; ouvrir droit à;

Большинство этих конструкций в предложении употребляются в форме пассивного залога, что связано с объективным характером закона и стремлением избежать в нем упоминания адресанта текста.

Приведем несколько примеров:

Le travail d'intérêt général peut se cumuler avec l'exercice de l'activité professionnelle (CP, art. 131–23).

L'agent de l'autorité a le droit d'accéder au lieu d'immobilisation du véhicule.

Il rend compte au procureur de la République de tout incident d'exécution (CP, art. R. 131–9).

Вторую группу составляют языковые единицы формально сходные с обычными дескрипциями:

Ce rapport indique ... la liste des opérations financées ... (CP, art. 536).

Анализируя вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что для достижения прагматической цели при создании отдельного законодательного документа, как и для решения задач законодательного подстиля на лексическом уровне адресат использует различные модально–временные формы, отдавая предпочтение среди прочих, частому использованию модальных глаголов долженствования и обвязывания.

2.5 Синтаксис и прагматика французских законодательных текстов

В текстах Уголовного Кодекса Франции наиболее часто отмечается употребление, в основном, повествовательных предложений. Наряду с простыми, широко употребляются сложные предложения. Эти предложения характеризуются полнотой и распространенностью конструкций, классическим порядком слов и союзной связью.

Как было уже отмечено выше, основными задачами официально–делового стиля является четкое и логичное описание явлений. Этой цели в тексте закона соответствуют сложноподчинённые предложения. Когда мы анализировали Уголовный Кодекс Франции, то определили, что он на две трети состоит из сложноподчинённых предложений, и только лишь одна треть его – простые. Самыми употребительными из всех сложноподчинённых в текстах законов являются сложноподчиненный относительные и сложноподчиненные условия.

В.Г. Гак писал, что сложноподчиненные относительные предложения во французской грамматике классифицируются по членам предложения, так как это позволяет одновременно учитывать и формальную сторону (роль придаточного в структуре главного) и содержательную (смысловое отношение между придаточным и главным) [Гак 2000:741].

Выделяются два семантических типа относительных придаточных:определяющее (déterminative, restrictive) и пояснительное (explicative, appositive).

По частоте употребления в тексте Кодекса первое место, по праву, отводится определяющим придаточным предложениям, так как следующий вид предложений подходит для того, чтобы реализовать значение выделения антицедента из категории отмеченных им понятий.

Приведем примеры:

Les zones protégées que constituent les locaux et terrains clos mentionnés à l'article 413–7 sont délimitées dans les conditions prévues à la présente section (CP, art. r. 413–1).

Употребление адресатом в главном предложении существительных с прилагательными, настоящего времени в прагматических значениях определения и констатации в придаточных определяющих предложениях отвечает задачам законодательного текста четко, обстоятельно, официально,

объективно передавать законодательную информацию и способствовать однозначному адекватному пониманию адресатом изложенного положения.

Сжатое изложение мысли, но одновременно сложное и последовательное есть одна из основных черт текста Уголовного Кодекса. Все это осуществляется при помощи многокомпонентных сложноподчиненных предложений.

В тексте Уголовного Кодекса наиболее часто встречаются относительные сложноподчиненные предложения (около половины).

Nul ne peut être puni pour un crime ou pour un délit dont les éléments ne sont pas définis par la loi, ou pour une contravention dont les éléments ne sont pas définis par le règlement ... (CP, art. 111–3).

Est complice d'un crime ou d'un délit la personne qui sciemment, par aide ou assistance en a facilité la préparation ou la consommation (CP, art. 121–6).

La juridiction qui prononce une peine peut, dans les cas et selon les conditions prévus ci-après, ordonner qu'il sera sursis à son exécution.

Le président de la juridiction, après le prononcé de la peine assortie du surpris simple, avertit le condamné, lorsqu'il est présent, des conséquences qu'en entraînerait une condamnation pour une nouvelle infraction qui serait commise dans les délais prévus par les articles 132–35 et 132–37 (CP, art. 132–29).

Как мы видим, в придаточных относительных предложениях основной временной формой являются формы настоящего и прошедшего времени, а также субжонктив. Следует также отметить, что на настоящее время действительного залога выпадает 80% всех относительных сложноподчиненных предложений.

Прагматическое значение сложноподчиненных условия

Французская академическая грамматика относит придаточные условия к разряду обстоятельственных придаточных вместе с придаточными времени, цели, причины, следствия, уступки, места и образа действия [Гак 2000: 744].

Данный тип предложений представляет собой свойство французских текстов закона. Сложноподчиненные предложения, выражающие условие более связаны с объективной реальностью, так как они будут соответствовать описанию только в случае удовлетворения содержащегося в них условия, или исключения объективному положению вещей, иначе они не имеют силы [Телешев 2004: 89]. Этот тип предложений близок по своим значениям и функциям к инжонктивным, которые используются в рецептах, инструкциях, и которые определяют для адресата варианты предоставляемого ему выбора.

Следует отметить, что данные предложения не всегда могут выражать условие, но и иметь обстоятельственное значение.

Конструкция данных фраз, как правило, двойственна. Они содержат, с одной стороны, дескриптивную часть (предложения с глаголом *devoir/ faire* или *pouvoir/faire*), которая будет соответствовать опережающему описанию при удовлетворении условия, вводимого в другой части. Соотношение этих двух частей предложения имеет три варианта употребления:

1) условие или исключение предшествуют дескриптивной части:

Lorsque'il est ordonné par le tribunal correctionnel, le placement sous surveillance électronique mobile doit faire l'objet d'une décision spécialement motivée (CP, art. 131–36–11).

2) условие следуют за дескриптивной частью предложения:

Aucune peine ne peut être appliquée si la juridiction ne l'a expressément prononcée ...(CP, art. 132–17).

L'infraction prévue à l'article 224–1 est punie de trente ans de réclusion criminelle lorsque la victime a subi une mutilation ou une infirmité permanente

provoquée volontairement ou résultant soit des conditions de détention, soit d'une privation d'aliments ou de soins (CP, art. 224–1).

3) условие включаются в структуру дескриптивной части:

Il y a réitération d'infractions pénales lorsqu'une personne a déjà été condamnée définitivement pour un crime ou un délit et commet une nouvelle infraction qui ne répond pas aux conditions de la récidive légale (CP, art. 132–16–7).

Предложения условия имеют две формы. Первая разновидность – это развернутые предложения условия, у которых есть глагольное ядро и предикативность, то есть они являются сложноподчиненными предложениями условия, цели, времени и т.д.

Вторая разновидность – это сокращенные элементы условия, не имеющие глагольного ядра; как правило, они представлены выражениями с различными обстоятельственными значениями:

Hors le cas prévu à l'article 21–14–1, l'acquisition de la nationalité française par décision de l'autorité publique résulte d'une naturalisation accordée par décret à la demande de l'étranger (CP, art. 21–15).

Сложноподчиненные предложения, обозначающие условие часто вводятся лексически насыщенными союзами и союзными оборотами, которые придают этому типу предложений различные оттенки.

Средства, выражающие условие подразделяются на :

общее условие, где:

а) развернутое предложение: lorsque, si ...

б) сокращенное условие: selon le cas, dans ce cas, en cas de, etc.

2) временное условие: dans + временной индексальный элемент.

3) условие–цель: pour.

Исключение вводится следующими лексическими средствами: sauf, sauf si, mais, à l'exception de ... [Телешев 2004: 92].

Приведем несколько примеров, где используются сокращенные элементы условия или исключения:

Le sursis simple est applicable, en ce qui concerne les personnes physiques, aux condamnations aux peines privatives ou restrictives de droits mentionnées à l'article 131–14, à l'exception de la confiscation, aux peines complémentaires prévues par les 1°, 2°, et 4° de l'article 131–16 ainsi qu'à la peine complémentaire prévue au premier alinéa de l'article 131–17 (CP, art. 132–34).

Разные виды подчинительных предложений очень часто можно увидеть в одном сложноподчиненном предложении Уголовного Кодекса Франции. Подчинительные предложения следуют одно за другим, максимально четко подчеркивая значение ключевых слов и фрагментов высказывания. Подобная точность в употреблении подчинительных предложений обусловлена, исключительно лишь одной целью – исключить двусмысленность понимания закона.

К примеру:

«En cas de changement du lieu de l'établissement principal, les personnes mentionnées à l'article R. 321–1 sont tenus de faire une déclaration au commissariat de police, ou, à défaut, à la mairie tant du lieu qu'elles quittent que celui où elles vont s'établir» (CP, art. R. 321–2).

Придаточные предложения условия, употребляемые в текстах законов, очень часто соотносятся с глаголами *devoir/ faire* и *pouvoir / faire*, и данное явление является отличительным элементом юридического документа. Например:

Lorsque le fait dénoncé a donné lieu à des poursuites pénales, il ne peut être statué sur les poursuites exercées contre l'auteur de la dénonciation qu'après la décision mettant définitivement fin à la procédure concernant le fait dénoncé (CP, art. 226–11).

Итак, нами были выделены и проанализированы, какие именно лексические и синтаксические средства служат формированию полновесных текстов Уголовного Кодекса Франции, выражают стилевые черты текстов зако-

нодательного подстилая официально–делового стиля, благодаря которым законодатель может добиваться своей прагматической цели.

2.7. Выводы

Общей и единой прагматической целью законодательных текстов является официально, традиционно, лаконично, четко, объективно, безлично и обобщенно, понятно и доступно, аргументированно и в логической последовательности, избегая образности, устанавливать юридическо–обязательные нормы и правила поведения, обязанности граждан и следствия несоблюдения этих требований.

Законодатель, создавая текст законодательного документа, должен учесть, с одной стороны, стилевые особенности данного типа текстов, predeterminedных принадлежностью его к официально–деловому стилю, с другой стороны, специфику адресата.

В ходе нашего исследования нами был рассмотрен Уголовный Кодекс Франции.

Его положения применяются только при нарушении установленных законом норм и правил общественного поведения, то есть непосредственным адресатом может быть лицо, которое совершило правонарушение или преступление.

Основным прагматическим компонентом, который влияет на отбор законодателем (адресатом) языковых средств, способных воспроизвести сущность того или иного закона, является адресат.

Коммуникативно–прагматическая направленность законодательных текстов осуществляется через языковые средства и благодаря морфолого–синтаксическим, лексическим и стилистическим особенностям.

На лексическом уровне своеобразие законодательной подсистемы определяется благодаря высокой терминологичности. Отличительной чертой базовой терминологии юриспруденции является сохранение основных направлений начального этапа её развития. Данная терминосистема находится под существенным влиянием общелитературного французского

языка, которое проявляется как в терминообразовании, так и во внутрисистемных отношениях.

Реализация коммуникативно–прагматической направленности законодательных текстов на лексико–синтаксическом уровне происходит за счет употребления большого количество существительных, употребляемых вместо глагола, широкое использование отглагольных существительных. Главной и единственной временной формой в тексте закона является настоящее время, в активном и пассивном залоге. Другие временные формы являются вспомогательными и применяются, как правило, в придаточных предложениях. Для создания эффекта обязательности соблюдения норм и правил, изложенных в законе, используются глаголы *devoir / faire* и *pouvoir / faire* в значении обязывания и предоставления права.

На синтаксическом уровне специфическим является употребление распространенных предложений, которые отличаются полнотой, союзной связью, нормативным порядком слов, то есть всеми чертами, необходимыми для четкого изложения логического хода мысли. Широко используются сложные предложения, в основном, сложноподчиненные, которые в наибольшей степени отвечают задачам законодательной подсистемы.

Таким образом, для четкого и непротиворечивого донесения до адресата смысла высказывания в форме распоряжения, предписания, для создания целостности текста закона законодатель употребляет интегрированное единство языковых, стилистических и прагматических средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на достаточно интенсивное развитие на протяжении последних десятилетий лингвистических теорий в русле прагматики, до настоящего времени еще не выработан единый подход к ее трактовке, что обусловило наличие многообразных определений прагматики как науки лингвистического плана.

Прагматический аспект текста, его языковая реализация могут и должны входить в сферу исследования языка как средства общения. Прагматический аспект – явление многогранное, которое включает несколько одинаково важных компонентов. Он может быть обозначен как проявление в тексте с помощью языковых элементов личностей коммуникантов, их статуса, взаимоотношений, цели создания текста, а также ситуации общения, в которой функционирует текст.

Каждый текст это средство характеристики не только предмета общения, но и самих коммуникантов. В условиях письменной коммуникации их роли четко закреплены: адресант (отправитель сообщения, автор) обращается к адресату (реципиенту, читателю, получателю сообщения). Автор в процессе создания текста всегда ориентируется на ситуацию его гипотетического восприятия, форму реализации и распространения, предмет сообщения, модель адресата.

Целью любого языкового общения является побуждение адресата к деятельности, которая понимается в широком смысле. Цель языкового произведения, текста определяется как прагматическая установка. Прагматическая ситуация письменных законодательных текстов предопределена их существованием в официально–деловом стиле.

Для официально–делового стиля характерно определенное сочетание стиливых черт. Законодательные тексты, к котрым относится Уголовный Кодекс Франции, принадлежат к законодательной подсистеме ОДС,

характеризуются следующими стилевыми чертами: *официальностью, традиционностью, лаконичностью, точностью, объективностью, отсутствием эмоциональности и образности, ясностью и доступностью изложения, аргументированностью и логической последовательностью*

Языковые средства, которые служат для передачи упомянутых стилевых черт в текстах Уголовного Кодекса Франции, представлены высокой терминологичностью и морфолого–синтаксическими особенностями.

Главной и единственной временной формой в тексте Уголовного Кодекса Франции является настоящее время в активном и пассивном залоге, другие временные формы являются вспомогательными по отношению к настоящему и применяются, как правило, в придаточных предложениях.

На синтаксическом уровне специфическим является использование, главным образом, повествовательных предложений, которые отличаются полнотой и распространенностью конструкций, союзной связью, нормативным порядком слов, то есть всеми чертами, необходимыми для четкого изложения логического хода мысли. Широко используются сложные предложения, в основном сложноподчиненные (относительные, условные, обстоятельственные, времени, цели и т.д.), которые в наибольшей степени отвечают задачам законодательной подстилая и имеют большие конструктивные возможности и смысловую емкость.

Особый статус адресата законодательного текста определяет специфику законодательных (письменных) сообщений, содержание которых адекватно воспринимает только адресат, который имеет соответствующие препозиции (знание правил и норм поведения, юридической терминологии и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алифиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алифиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с. : ил.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс [Text] / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 136–137.
3. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Лингвистическая прагматика : [сб. ст.] / под ред. Е. В. Падучевой. – М., 1985. – С. 3–42. – (Новое в зарубеж. лингвистике ; Вып. 16).
4. Арутюнова, Н. Д. Номинация и текст [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация : виды наименований / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1977. – С. 304–357.
5. Арутюнова, Н. Д. Прагматика [Text] / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 389–390.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значения : оценка, события, факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 399 с.
7. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] : [ок. 7 тыс. терминов] / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер.– М. : Ком книга, 2007. – 571 с.
8. Березин, Ф. М. Общее языкознание [Текст] : учеб. пособие / Ф. М. Березин, В. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
9. Боголюбов, С. Язык правоприменительных актов [Текст] / С. Боголюбов // Советская юстиция. – 1973. – № 15. – С. 20–21.
10. Будагов Р. А. Введение в науку о языке [Текст] : учеб. пособие / Р. А. Будагов. – М. : Учпедгиз, 1958. – 435 с.

11. Валуйская, О. Р. Глубина текста как лингвистическая категория : на материале англ. яз. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Р. Валуйская ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2002. – 21 с.
12. Васильев, Н. Л. Научная лексика в языке А. С.Пушкина [Текст] : учеб. пособие / Н. Л. Васильев ; Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1989. – 92 с.
13. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г. О. Винокур ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
14. Власенко, Н. А. Язык права [Текст] / Н. А. Власенко ; Гос. ин-т регион. законодательства Адм. Иркут. обл. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. – 173 с. : ил.
15. Волков, А. Г. Об основных аспектах работы симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики» [Текст] / А. Г. Волков // Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. – 1972. – № 5. – С. 60–64.
16. Воробьева, О. П. О тройном подходе к статусу текста [Текст] / О. П. Воробьева // Художественный текст в культурном, филологическом и лингвистическом аспектах : тез. доп. межв. конф., Київ 24–26 жовтня 1991. – Київ, 1991. – С. 15–17.
17. Воробьева, О. П. Текстовые категории и фактор адресата [Текст] / О. П. Воробьева. – Киев : Высш. шк., 1993. – 200 с.
18. Высказывание и дискурс в прагмалингвистическом аспекте [Текст] : сб. науч. тр. / Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; отв. ред. Г. Г. Почепцов. – Киев : КГПИИЯ, 1989. – 114 с.
19. Гак, В. Г. Введение во французскую филологию [Текст] : учеб. пособие / В. Г. Гак. – М. : Просвещение, 1986. – 182 с. : ил.

20. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1972 / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1973. – С. 349–372.
21. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики [Текст] / В. Г. Гак // Проблема структурной лингвистики, 1971 : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1972. – С. 367–395.
22. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] : учеб. для студентов вузов / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с. : схем.
23. Гальперин, И. Р. Интеграция и завершенность текста [Текст] / И. Р. Гальперин // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – М., 1980. – № 6. – С. 45–57.
24. Гатаулин, Р. Г. Стилистическое словообразование современного немецкого языка [Текст] : учеб. пособие / Р. Г. Гатаулин ; Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. – Уфа : Башк. ун-т, 1986. – 48 с.
25. Герд, А. С. Еще раз о значении термина [Текст] / А. С. Герд // Лингвистические аспекты терминологии : [сб. ст.] / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1980. – С. 4–9.
26. Гиндин, С. И. Внутренняя организация текста : элементы теории и семантический анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Гиндин. – М., 1973. – 25 с.
27. Глушкова, Л. Е. Процесс детерминологизации в современном французском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л. Е. Глушкова. – М., 1983. – 24 с.
28. Горшкова, В. Е. Коннекты градации в современном французском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.
29. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Лингвистическая прагматика : [сб. ст.] / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюно-

- вой, Е. В. Падучевой ; общ. ред. Е. В. Падучевой – М., 1985. – С. 217–237. – (Новое в зарубеж. лингвистике ; Вып. 16).
30. Гринев С. В. Введение в терминоведение [Текст] / МГУ им. М.В. Ломоносова, Моск. пед. ин-т. – М. : Моск. лицей, 1993. – 310 с.
31. Грязин, И. Текст права: опыт методол. анализа конкурирующих теорий [Текст] / И. Грязин. – Таллин : Ээсти раамат, 1983. – 187 с.
32. Даниленко, В. П. Русская терминология : опыт лингв. описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1979. – 245 с.
33. Дигмай, В. Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста : общее и различное [Текст] / В. Н. Дигмай // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 56–66.
34. Долинин, К. А. Стилистика французского языка [Текст] : учеб. пособие / К. А. Долинин. – Л. : Просвещение, 1978. – 342 с.
35. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
36. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 306 с.
37. Катагощина, Н. А. Как образуются слова во французском языке [Текст] / Н. А. Катагощина. – 2-е изд., стер. – М. : Комкнига, 2006. – 112 с.
38. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
39. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1980. – 150 с.
40. Колшанский, Г. В. Текст как единица коммуникации [Текст] / Г. В. Колшанский // Проблемы германского и общего языкознания : сб. ст., посвящ. Н. С. Чемоданову. – М., 1978. – С. 26–37.

41. Комиссаров, В. Н. Прагматика языка и перевод [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М., 1982. – 219 с.
42. Корди, Е. Е. Безличные конструкции в современном французском языке [Текст] / Е. Е. Корди // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 115–128.
43. Кривчикова Н.Л. Институциональные французские тексты в коммуникативно–прагматическом аспекте анализ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н.Л. Кривчикова. – В., 2007. – 188 с.
44. Кубрякова Е. С. Конверсия [Текст] // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 235.
45. Лазуткина, Е. М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы [Текст] / Е. М. Лазуткина // Филологические науки. – 1994. – № 5–6. – С. 56–65.
46. Лейчик, В. М. Изучение термина в тексте [Текст] / В. М. Лейчик // Текст в языке и речевой деятельности : состав, перевод, автоматическая обработка : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания и др. – М., 1987. – С. 129–139.
47. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина [Текст] / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.
48. Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина [Текст] : на материале рус. лингв. терминологии / А. В. Лемов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 192 с.
49. Лоте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминологических элементов [Текст] / Д. С. Лоте ; АН СССР, Ком. науч.–техн. терминологии. – М. : Наука, 1982. – 149 с.
50. Лоте, Д. С. Основы построения научно–технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д. С. Лоте ; [АН СССР, Ком. науч.–техн. терминологии]. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.

51. Лоте, Д. С. Что такое термин и терминология? Основы и методы [Текст] / Д. С. Лоте. – М. : Наука, 1968. – 76 с.
52. Любина, Г. С. Терминология сварочного производства в современном русском языке : логико–лингв. основы ее упорядочения [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. С. Любина ; Днепрпетр. гос. ун–т им. 300–летия воссоединения Украины с Россией. – Днепропетровск, 1985. – 23 с.
53. Минкин, Л. М. Аспекты синтезированной теории прагматики [Текст] / Л. М. Минкин // Вісник КДЛУ. – 1998. – Т. 1. – С.
54. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : референц. аспекты семантики местоимений [Текст] / Е. В. Падучева ; АН СССР, ВИНТИ. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
55. Падучева, Е. В. Дейксис : общетеоретические и прагматические аспекты [Текст] / Е. В. Падучева, С. А. Крылова // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сб. обзоров / АН СССР, ИНИОН. – М., 1984. – С. 25–96.
56. Пархоменко, О. К. Средства прагматического смягчения категоричности констатирующих высказываний в современном французском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / О. К. Пархоменко. – Киев, 1992. – 177 с.
57. Петрова, Н. В. Текст и дискурс [Текст] / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–132.
58. Пиголкин, А. С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи [Текст] / А. С. Пиголкин // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. – Вып. 26. – 1972. – С. 3–31.
59. Почепцов, Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г. Г. Почепцов [Текст] // Прагматический и семан-

- тический аспекты синтаксиса : сб. науч. тр. – Калинин, 1985. – С. 12–18.
60. Почепцов, Г. Г. Прагматика текста [Текст] / Г. Г. Почепцов // Коммуникативно–прагматические и семантические функции речевых единств : межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун–т. – Калинин, 1980. – С. 5–10.
61. Почепцов, Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения. К построению теории прагматического синтаксиса [Текст] / Г. Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 5. – С. 15–25.
62. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико–грамматическом аспекте [Текст] / Е. А. Реферовская. – Л. : Наука, 1989. – 168 с.
63. Сидоров, Е. В. Коммуникативность текста и средства ее достижения : на материале фр. полит. публицистики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. В. Сидоров. – М., 1978. – 214 с.
64. Скалкин, В. А. Основы устной иностранной речи [Текст] / В. А. Скалкин. – М. : Рус. яз., 1981. – 248 с.
65. Сластникова, Т. В. Функции обобщающего высказывания в тексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Сластникова. – М., 1992. – 20 с.
66. Сусов, И. П. Прагматическая структура высказывания [Текст] / И. П. Сусов // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун–т. – Калинин, 1986. – С. 6–23.
67. Юдина, Е. Н. Французская юридическая терминология как часть лексической системы французского языка : структурно–семант. анализ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. Н. Юдина. – М., 2005. – 132 с.
68. Cornu, G. Linguistique juridique [Text] / G. Cornu. – 2e éd. – Paris : Montchrestien, 2000. – 443 p.

69. Dijk, T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse [Text] / T. A. van Dijk. – Cambridge ; The Hague : Mouton, 1981. – xii, 331 p.
70. Dijk, T.A. van. Tjwards a model of texte comprehension and production [Text] / T. A. van Dijk, W. Kintsch // Psychological Review. – 1978. – № 85. – P. 363–394.
71. Levinson, S. Pragmatics [Text] / S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – xvi, 420 p.
72. Pagano, R. Aperçu de la rédaction des lois. Intervention au cours du colloque «Pratique du droit» à l'institut international du Droit et du Développement. – Rome, 23 octobre 2002 [Ressources électroniques]. – Le régime de l'accès: www.salvador.edu.ar/ui2-35-loisrp.htm
73. Snow, V. G. Le style législatif : question de droit ou de langue [Texte] / V. G. Snow // Les mots de la loi. – Paris, 1999. – P. 89–93. – (Etudes juridiques).
74. Souriou, J-L. Le langage du droit [Texte] / J-L. Souriou, P. Lerat – Paris : Presses universitaires de France PUF, 1975. – 133 p.
75. Sperber, D. Relevance : communication and cognition [Text] / D. Sperber, D. Wilson. – Cambridge : Harvard University Press, 1986. – 279 p.

Энциклопедии и словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп.. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 712 с. : ил.
2. Мачковский, М. В. Французско–русский и русско–французский юридический словарь [Текст] / М. В. Мачковский. – М. : Рус. яз., 1998. – 680 с.
3. Российская юридическая энциклопедия [Текст] : [ок. 4000 ст.] / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : ИНФРА–М, 1999. – X, 1110 с.

4. Code pénale [Text] (de France). – Paris : Litec, 2006. – 729 p.